

БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИК

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Золотилось солнце на востоке, за туманной синью далеких лесов, за белой снежной изменностью, на которую глядел с невысокого горного берега древний русский город. Был канун Рождества, бодрое утро с легким морозом и инеем.

Только что пришел петроградский поезд: в гору, по наезженному снегу, от железнодорожной станции, тянулись извозчики, с седоками и без седоков.

В старой большой гостинице на просторной площади, против старых торговых рядов, было тихо и пусто, прибрано к празднику. Гостей не ждали. Но вот к крыльцу подъехал господин в пенсне, с изумленными глазами, в черном бархатном берете, из-под которого падали зеленоватые кудри, и в длинной дохе блестящего каштанового меха.

Рыжий бородач на козлах притворно кричал, желая показать, что он промерз, что следует набавить ему. Седок не обратил на него внимания, предоставив расплатиться с ним гостинице.

- Ведите меня в самый светлый номер, - громко сказал он, торжественным шагом следуя по широкому коридору за молодым коридорным, несшим его дорогой заграничный чемодан. - Я художник, - сказал он, - но на этот раз мне не нужна комната на север. Отнюдь нет!

Коридорный распахнул дверь в номер первый, самый почетный, состоявший из прихожей и двух обширных комнат, где окна были, однако, невелики и очень глубоки, по причине толстых стен. В комнатах было тепло, уютно и спокойно, янтарно от солнца, смягченного инеем на нижних стеклах. Осторожно опустив чемодан на ковер посередине приемной, коридорный, молодой малый с умными веселыми глазами, остановился в ожидании паспорта и приказаний. Художник, ростом невысокий, юношески легкий вопреки своему возрасту, в берете и бархатной куртке, прошелся из угла в угол и, сронив движением бровей пенсне, потер белыми, точно алебастровыми руками свое бледное! измученное лицо. Потом странно посмотрел на слугу невидящим взором очень близорукого и рассеянного человека.

- Двадцать четвертое декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года! - сказал он. - Эту дату ты должен запомнить!

- Слушаю-сь, - ответил коридорный.

Художник вынул из бокового кармана куртки золотые часы, мельком, прищурив один глаз, взглянул на них.

- Ровно половина десятого, - продолжал он, снова устраивая на носу свои стекла. - Я у цели своего паломничества. Слава в вышних богу и на земле мир, в человецех благоволение! Паспорт я тебе дам, не беспокойся, но сейчас мне не до паспорта. У меня нет ни одной свободной минуты. Сейчас я спешу в город, чтобы вернуться ровно в одиннадцать. Я должен завершить дело всей моей жизни. Мой молодой друг, - сказал он, протягивая к коридорному руку и показывая ему два обручальных кольца, из которых одно, на мизинце, было женское, - это кольцо - предсмертный завет!

- Так точно, - ответил коридорный.

- И я этот завет исполню! - грозно сказал художник. - Я напишу бессмертную вещь! И я подарю ее - тебе.

- Покорнейше благодарим, - ответил коридорный.

- Но, любезный, дело в том, что я не взял с собой ни холста, ни красок, - провезти их из-за этой чудовищной войны было совершенно невозможно. Я надеюсь достать их здесь. Я наконец воплещу все то, что сводило меня с ума целых два года, а потом так дивно преобразилось в Стокгольме!

Говоря и отчеканивая слова, художник в упор смотрел через пенсне на своего собеседника.

- Весь мир должен узнать и понять это откровение, эту благую весть! - воскликнул он, театрально взмахнув рукой. - Слышишь? Весь мир! Все!

- Хорошо-с, - ответил коридорный. - Я доложу хозяину.

Художник снова надел доху и направился к двери. Коридорный со всех ног кинулся отворять ее. Художник важно кивнул ему и зашагал по коридору. На площадке лестницы он приостановился и добавил:

- В мире, мой друг, нет праздника выше Рождества.

Нет таинства, равного рождению человека. Последний миг кровавого, старого мира! Рождается